

И. Ваненко

Тысяча и одна минута
книга первая. собрание русских
сказок, писанных Иваном
Ваненко

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Ваненко**
Тысяча и одна минута: книга первая. собрание русских сказок, писанных
Иваном Ваненко / И. Ваненко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 458 с.

ISBN 978-5-458-08657-8

Стать починать, стать сказывать (Кирша Данилов).

ISBN 978-5-458-08657-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТЫСЯЧА И ОДНА МИНУТА.

НАЧАЛО.

Не знаю въ какомъ мѣстѣ и въ какое время, — да кажись и знать не для чего, — жилъ-былъ чело-вѣкъ, чело-вѣкъ Русскій и съ Русскимъ именемъ — Пахомъ, да дѣло не въ томъ... грамоту зналъ онъ-себѣ сколько нужно, а кто больше его смыслилъ, тому не перечилъ — да не всему же и вѣрилъ, что иной, хоть и граматной, про заморское станеть рассказывать. Если же навернется такой, что француз-

VIII

скую пыль глоталъ, да аглицкую ветчину нѣмецкимъ калачомъ закусывалъ, да своими ногами граниль булыжникъ въ иностранныхъ земляхъ, и станеть разныя тамошнія диковинки небывалыя разсказывать... то — пока онъ говоритъ про звѣрей невиданныхъ, про дворцы и палаты узорчатыя, про вины, какихъ намъ во снѣ не шеть, и про всякое съѣстное неизвѣданное — дядя Пахомъ ни гу-гу, слушаетъ будто вѣреть... а какъ зачнетъ бывалый на чужбинкѣ врать про людей тамошнихъ, что они и добрѣе нашихъ, и ладнѣе живутъ, и больше насъ все знаютъ, и лучше судъ и расправу ведутъ, — то дядя Пахомъ махнетъ рукой и поидеть прочь отъ такого разскащика. «По мнѣ, говоритъ онъ, что хочешь

города, только на насъ охулы не клади; вездѣ есть ночи, вездѣ есть и дни—и люди, какъ люди, вездѣ одни; а гдѣ лучшаго много, да хорошаго нѣтъ, тамъ худое безъ счету живетъ!—Знай въ книгахъ толкъ, какъ дьякъ, да разумѣй и въ кашѣ смакъ, — умѣй красно говорить, да умѣй и на брюхо угодить; — въ пустомъ ври-себѣ, завирайся, а въ путномъ назадъ оглядайся, что бы по потылицѣ не вытолкали; сказку читай безъ указки, псалтырь по толкамъ.»

Таковъ былъ нашъ дядя Пахомъ, не любилъ, что не по немъ. Пожилъ онъ въ свѣтѣ, былъ тертый калачъ, понаглядѣлся, понатарѣлся кое чему, зналъ что китайка, а что кумачъ, — его было трудно провести!

Бывало кто глупо совреть или сдѣлаетъ, или еще только замахнется сдѣлать что нибудь неразумное да прилучится тутъ быть дядѣ Шахому, то онъ не станетъ такого бранить или тамъ совѣтывать да говорить какъ знахарь книжные: это вотъ де не такъ, это вотъ не этакъ, сдѣлай вотъ то-то, да поди туда-то, — а онъ вымолвить свою любимую поговорку: *постой-ка на минутку!* — да и расскажетъ тебѣ побасенку или присказку, а буде языкъ порасходится, то и цѣлую сказку сварганить и, рассказавши, рѣдко, рѣдко растолкуетъ къ чему что рассказано, — а любилъ, что бы всякой самъ смѣкалъ.

Послѣ, подстарость, дядя Шахомъ такъ пристрастился къ своимъ сказ-

камъ и присказкамъ, что бывало на всякое дѣло у него по дюжинѣ басенъ готово... да и красно-жь рассказываль; сидишь, сидишь съ нимъ—не видишь какъ день пройдетъ, — а о вечерахъ и говорить нечего!.. Только бывало хочешь отъ него идти, возьмешся за скобку,—а онъ молвить: *постой-ка на минутку!*.. и начнетъ исторію... слушаешь, слушаешь — глядь, анъ ужъ вмѣсто минутки-то и часанѣтъ!

И много же было охотниковъ послушать дяди Пахома, — бывало только онъ дома, то въ его избушкѣ и мѣста нѣтъ, — сидитъ онъ себѣ лапотки плететь, а самъ тѣмъ, кто у него прилучится, сказку строчить узорчатую — да что не разъ

ХИ

кочеткомъ ковырнетъ , то и прибаутку въ сказку ввернетъ ! — У него-то я этихъ сказокъ понаслушался , которыя вамъ теперь намѣрень передать , мои братцы-товарищи , — знаю я , что вы до нихъ лакомы ! . . . Только буде я что не гладко скажу — не вините дяди Пахома , — онъ куда красно разсказывалъ — да мнѣ нельзя же хорошо упомянуть , такъ ли оно было сказано или иначе , лишь бы съ толку совсемъ не сбиться . . . Дядя Пахомъ говорилъ : « Не съумѣешь связать въ двѣ петли , — вяжи въ одну ; а узломъ затянешь — и зубъ не возьметъ ! »

А за тѣмъ я , братцы-товарищи , сказки дяди Пахома называлъ *минутали* , что онъ бывало и въ на-

чалъ сказки, и въ срединѣ, и на концѣ иногда по разу и болѣе приговаривалъ: «*постойте на минутку!*» — Если кто хочетъ уйдти до время, всей сказки не дослушавши, — онъ скажетъ ему свою любимую погорку, — или если лыко у него иной разъ лопнетъ во время сказки, онъ сейчасъ примолвить: «Фу ты пропасть!.. *постойте на минуту* — возьму свѣжее!» а тамъ опять пойдетъ читать точно по писаному...

А потому я не раздѣлилъ сказки его на минуты и вполнѣ ихъ рассказываю, что не припомню гдѣ онъ останавливался, — а самому придумать, пожалуй не повѣрять, что онъ *по минутно* рассказывалъ, и что тутъ есть тысяча и одна минута!..

«**Нѣтъ,**» скажете вы, братцы-товарищи, «не то у тебя въ головѣ было, — а ты думаешь, что это будетъ покудреватѣе: *ссть-моль тысяча и одинъ день, тысяча и одна ночь, тысяча и одинъ часъ, тысяча и одна четверть часа, тысяча и одно дурачество,* — то дескать и я назову *тысяча и одна минута!* — а другіе, думалъ ты, повѣрятъ, что твои сказки также хороши, какъ и тѣ сказки заморскія! . . .»

— Ну, гдѣжъ хороши; я этого не думаю: вѣдь тысячу и одну ночь разсказывала султанша хорошенькая, на пуховой перицѣ, подъ парчевыми одѣялами, въ палатахъ мраморныхъ. . . а вѣдь дядя Пахомъ — простой человекъ, въ лап-

тяхъ, сидя на скамьѣ въ дымной пзбѣ ихъ складывалъ! . . Названіе-то точно присовѣтывалъ приложить одень изъ монахъ пріятелей,— вотъ по какому случаю. . .

Ну да подождите *на минутку*, я послѣ это разскажу, а дайте миѣ прежде сказки переписать, чтобы какъ чего и впрямь не запомнить!

I.

С К А З К А

О

ЦАРЕВИЧЪ ИВАНЪ

И

ЦАРЕВНЪ ЕВАКУШКЪ.